

ЭМИЛИ БРОНТЕ: ЖИЗНЬ И РОМАН

ОЛЬГА МИХАЙЛОВНА ПЕТЕРСОН

(Из книги «Семейство Бронте», 1895)

В октябре 1847 года в числе литературных новинок сезона появился в Лондоне роман в трех частях, выпущенный издательской фирмой «Smith, Elder & Co», произведший сразу сильное впечатление на английскую публику и успевший разойтись в значительном числе экземпляров прежде, чем появились первые газетные отзывы о нем. Интерес, возбужденный им, был так велик, что, как говорили, даже сам великий Теккерей отложил перо и сидел, углубленный в чтение «Джейн Эйр», — романа, принадлежащего перу неизвестного автора, скрывавшегося под псевдонимом Каррер Белл.

Эта книга разошлась в какие-нибудь три месяца, так что в январе 1848 года потребовалось уже новое издание.

Появление каждого нового литературного имени, получающего успех, всегда возбуждает интерес и просто любопытство. В данном случае успех был громадный, и сопровождавший его интерес и любопытство публики столь же велики.

Стали искать, не попадалось ли где-нибудь раньше имя Каррер Белл, и вскоре была обнаружена книжечка стихотворений, вышедшая за год перед тем и потонувшая было в море забвения, почти никем не замеченная. Книжечка эта представляла собой сборник стихотворений, принадлежавших трем авторам: Каррер, Эллис и Эктон Белл. Открытие это привело публику и прессу в полное недоумение, которое еще возросло, когда в декабре того же 1847 года другая издательская фирма выпустила еще два романа: «Грозовой Перевал», подписанный именем «Эллис Белл», и «Агнес

Грей» — именем «Эктон Белл» — произведения столь же оригинальные, но совершенно иного характера.

Сейчас же, не только среди обыкновенных читателей, но и в прессе, возникло множество догадок относительно того, были ли это действительные имена авторов или это лишь присвоенные ими псевдонимы; а если псевдонимы, то принадлежали ли они трем братьям, или трем сестрам, или же лицам, не состоявшим ни в каких родственных отношениях? Множество народу обращалось с этими вопросами к издателям, но и они сами ничего не знали. А между тем авторы романов, и особенно Каррер Белл, вели деятельную и энергичную переписку со многими известными в то время лицами, но переписка шла через посредство какой-то никому не известной мисс Бронте, бывшей гувернантки, дочери пастора в Хаурте, одном из захолустных местечек Йоркшира. То обстоятельство, что письма адресовались в Йоркшир, никого не удивляло, так как все единодушно были согласны с тем, что авторы, кто бы они ни были, были уроженцы северной, а никак не южной Англии. Ведь ни один южанин не в силах был бы так живо изобразить страстного, могучего, сурового йоркширца, со всеми его доблестями и пороками, и с окружающей его дикой природой. Только спустя значительное время, медленно, и принимаемое лишь с большим сомнением, распространилось наконец убеждение, что три загадочных автора, скрывающихся под именами «Каррер, Эллис и Эктон Белл», были не кто иной, как три дочери пастора, скромные провинциальные гувернантки, никогда в глаза не видавшие ни одного писателя и не имевшие ни малейшего понятия о Лондоне.

Загадка, казалось, была разрешена, но на деле решение это привело лишь к новым недоразумениям и предположениям. Сама фамилия Бронте приводила в смущение: одно несомненно — фамилия эта не английская. Обратились к истории их отца и убедились, что он был выходец из Ирландии, сын Хью Бронте, простого фермера; но сам Хью Бронте

опять-таки явился неведомо откуда и т. д. и т. д. С одной стороны возникло предположение, что в Ирландии фамилия Бронте (Bronte) была не Бронте, а Prunty, с другой же стороны ему стали приписывать иноземное, французское происхождение.

Наконец, оставался открытым вопрос, откуда сестры Бронте почерпнули свой опыт: тонкое знание человеческой природы, со всеми ее хорошими и дурными свойствами, с неукротимой страстью, способной на преступление; где почерпнули они свои радикальные воззрения, свою ненависть к ханжеству, фальши и светской пустоте английского духовенства — черты, поражавшие в дочерях пастора? Наконец, что способствовало развитию в них такого мощного воображения и что могло сообщить ему его отличительную мрачную окраску? Произведения этих преждевременно унесенных смертью женщин были таковы, что приковывали к себе внимание читателя своим содержанием, заставляли его заинтересовываться и внутренней, душевной жизнью автора, вызывая потребность в их откровенной биографии.

* * *

На железнодорожном пути, проходящем на Лидс и Брэдфорд, в четверти мили от полотна железной дороги расположен город Китли. Он находится в центре шерстяных и суконных фабрик, — промышленности, дающей занятие почти всему населению этой части Йоркшира. Благодаря такому своему положению Китли в начале девятнадцатого столетия из многолюдной богатой деревни быстро превратился в богатый и промышленный город.

В то время, о котором идет речь, то есть в сороковых и пятидесятых годах девятнадцатого столетия, местность эта почти окончательно утратила свой сельский характер. Путешественник, желавший видеть сельский Хауорт, с его пасторальными и безотрадными болотами, заросшими вереском,

столь любимыми даровитыми сестрами-писательницами, должен был бы сойти на железнодорожной станции Китли, в какой-нибудь полумиле от этого города, и, пройдя его, свернуть на дорогу в Хаурт, почти до самой деревни не утрачивающей характера городской улицы. Правда, по мере того, как продвигался он по дороге к стоявшим на западе кругловатым пригоркам, каменные дома начинали редеть и появлялись даже виллы, видимо принадлежавшие людям менее занятым в промышленной жизни. Как сам город, так и весь путь от него до Хаурта, производили удручающее впечатление отсутствием зелени и своим общим однообразным сероватым колоритом. Расстояние между городом и селением около четырех миль, и на всем этом протяжении, за исключением лишь упомянутых вилл да нескольких домов фермеров, тянулись целые ряды домов для рабочих шерстяных фабрик. По мере того как дорога поднимается в гору, почва, сначала довольно плодородная, становится все беднее, производя лишь жалкую растительность в виде тощих кустов, растущих кое-где около домов. Каменные стены всюду занимают место зеленых изгородей, а на изредка попадающихся клочках доступной обработке земли виднеется какой-то бледный желтовато-зеленый овес.

На горе прямо против путешественника возвышается селение Хаурт; уже мили за две видно оно, расположенное на обрывистом холме. Вдоль линии горизонта тянется все та же извилистая, волнообразная линия холмов, из-за которой местами выдвигаются опять новые холмы того же серого цвета и формы на темном фоне пурпурных торфяных болот. Эта извивающаяся линия производит впечатление чего-то величественного своей кажущейся пустынностью и безлюдностью, а иногда даже удручающего зрителя, чувствующего себя совсем отрезанным от света этой однообразной, непреступной стеной.

Под самым Хауртом дорога сворачивает в сторону, огибая холм, и пересекает ручей, протекающий долиной и служащий